3

после полуночи

денис берест

Riga
2025

Денис Берест

После полуночи

ТРЕТИЙ СБОРНИК
СТИХОТВОРЕНИЙ

Riga
2025

UDK 821.161.1-1(474.3)
Б485

Денис Берест
После полуночи: Сборник стихотворений.
Riga: Salana Art, 2025. – 163 с.

ISBN 978-9934-589-20-1

© Денис Берест, 2025

Содержание

I. башни _ **5**

полдень _7 Реомюр _9 миссия хроникера _11 башни _13
альтернатива _14 стрела _16 стальные каркасы _17

II. пыльца _ **19**

метаморфоза луны _21 оратор _22 уметь назвать _24
андрогин _25 погребение _26 эскиз портрета _28
темницы _29 ultimi barbarorum _30 перемещенная Италия _31
улей _33 цветы и плод _34 пыльца _36 ворота _37
вдоль берега _39 импасто _41 после полуночи _42
окончание холодной войны _43 огни на мосту _44 ива _45
беззащитность _46

III. знаки _ **47**

кипарисы и пинии _49 убежище _50 вид с холма _51
знаки _52 зима _54 neqve illic mortvvs _55 колонна _56
привратник _58 двое _59 la ville entière _60
полдень в Помпеях _61 номер пятнадцатый _63
damnatio memoriae _65 нелюбопытный _67
лишняя деталь _68 уязвимость _69 дверь _70
родственные связи _72 ясный день _73 игра в мяч _74
праздник руин _76 битва _78 лицо _79 Орфей _80
путь к реке _81 равновесие _82 предостережение _83

IV. обруч _ **85**

сезон зимы _87 врасплох _88 паломничество _89
силуэт _91 ступени иронии _92 прислушайся _94
чародей _96 cour d'honneur _98 конь _99
башня молчания _101 cerchio _102 через улицу _103
сад на закате _104 упавшее гнездо _106

V. волны _ 107

саркофаг _109 выбор _110 круговорот _111
sacra conversazione _113 падение _115
после Праксителя _116 клуатр отшельника_118
площадь _119 magnis et praestantibus_120 туман _121
внутренний двор _123 вблизи от Рая _125 в роще _126
Большая лошадь _127 последняя попытка _129
мир Пифагора _130 пейзаж мохито _131 цвета заката _132
замок на холме _134 бессвязное _136 бронзовый всадник _137
промах _138 фонтан _139 мгла над заливом _140 окно _142
четырехголосие _144 впечатление _145 дом над обрывом _146
куст _147 невидимый _148 флагшток _149 волны _150
на причале _151 солнце сквозь облака _152
здесь и сейчас _153 хмурый день _154
одинокая прогулка _155 горизонт _156 кроны пальм _157
башня на берегу _158 Nymphaea alba _159 rota _161 blau _162

I

БАШНИ

полдень

в прохладный полдень
лондонского лета

перелистав меню
«Отелло»
журнал для пассажиров

не дочитав «Макбета»

он высадился
на другой планете

чье притяжение
слабее в десять раз

по обе стороны блестят
немые стелы

зыбь мертвая
под шлевками мостов

вода внизу атласно-
пепельного цвета

под стать зеркальному
хайтеку

что создает
изысканный гризайль

родня стихию
с артефактом

фигуру с фоном

отражение
с предметом

и делает пейзаж
футуристично-странным

техно-элегией

в манере Фостера
и Оп де Бека

Реомюр

гигантский
градусник
в три сотни
метров
высотой
блестит
под хмурым
небом

от точки замерзания
до точки закипания воды
спирт расширяется
на столько-то процентов

неподалеку
вместо остроконечной
пирамиды
стеклянная мокрица
похожая
на локоть рыцаря
в готических доспехах
ползет к реке

за облаками
на ближней стороне
Луны
огромный кратер

и где-то вдалеке
между Юпитером
и Марсом
блуждает астероид

все это Реомюр

и хитроумный ряд догадок
благодаря которым
не только физик
город
но и случайный
путник
вписывается
в мировой порядок

миссия хроникера

бросив якорь
на южном берегу
смотреть
как огненные звери
пожирают
север

в пылающие здания
вглядываться
спокойно
зорко

глубоким дыханием
помогая сердцу
оставаться холодным

словно лед
в бокале виски

чувствуя себя
Форбсом Пайлом
Виллерсом Нероном

покрывая
скорописью
тетрадь

и думая *вот он*
мой шанс
я стану человеком года

башни

у арки Тауэрского моста
глядеть на реку
и на берег

на эрнстовскую цитадель
построенную Вудроу
и Вудом

чтобы противостоять
разливам Темзы
уподобляясь в этом башне

с безумной выдумкой
и тщанием изображенной
Старшим Брейгелем

как символ тщетности
любого прилежания

альтернатива

германский цеппелин
в альтернативном
мире
сгорев остекленел
как почва
после ядерного взрыва

одним концом зарывшись
в землю другим
возносится над Сити
свидетельствуя
о могуществе хайтека

и вывернутый наизнанку
Марсий принявший
имя Ллойда неподалеку
читает в мегафон
евлогий удачливым
страховщикам

экскориация прогрессу
служит

о где ты Аполлон

влюбленный
в небоскребы Сити
я дам себя освежевать

чтобы почувствовать
живую боль

и новый дух вдохнуть
в завянувшие
строки

стрела

два стража каменных
по сторонам моста
не спросят плату

но пешеходу
не пройти
на южный берег

не взглянуть издалека
на башни

Терку Огурец
и Цаплю

и красный кран
на фоне Уоки-Токи
не принять

за линию
оставленную
ползущей
к основанию
каплей крови

стальные каркасы

как объяснить
что пасмурное небо
и холод материалов
рождает теплоту

о воинов толпа
глядящих смело
вдаль

пусть неподвижны вы
и немы

я напишу о вас
поэму

II

ПЫЛЬЦА

метаморфоза луны

луна цвета
песчаного доллара
морского ежа
на темном небе
оттенка стали
постепенно синеет

а серое небо
светлеет

как будто наступает
рассвет
испуганно-бледный

но цитадель под луной
остается прежней

глинисто-бурой
и неподвижной

фактурой напоминая застежки-молнии
следы автомобильных шин танковых гусениц
позвоночник рыбы колоннады дворца пулеметные
ленты ряды покрытых ржавчиной бритвенных лезвий

оратор

затерянный
в прибрежной
зелени между
причалом и сквером
Св. Георгия
колесованного
на другом берегу
этажами башни
Бродвея-Мэльяна

похож
на Демосфена
в гиматии
на Цицерона
в тоге

но больше на святого
чье имя носят

бедный сквер
по эту сторону реки
и комплекс дорогих
апартаментов
через реку

все знаки налицо

вместо копья
сразившего
дракона
потрескавшийся
свиток

у левой кисти
гвозди
вместо пальцев

и при стечении
народа в праздник
колесован как святой
по собственной
неловкости
машиной Стефенсона

уметь назвать

свободные
взмахи руки

рисуют лого
твоей души

для истории
кровь слаще меда
алее вина

время падает
каплями
огненного
дождя

в эту по-волчьи
оскалившуюся
эпоху

умеешь ли
ты назвать имя
своего бога

андрогин

две половины
одного магнита

окрашенные
в желтый цвет

два диска

приоткрытый
рот

и ухо
рядом

тарелки из латуни
готовые к удару

просвет не больше
сантиметра

но расстояние
в две вселенной

от слова к слуху

погребение

корабль тонет
кормою вниз

и так же опускают
графа в землю

приличия соблюдены

черны доспехи
корпус корабля
останки экипажа

мир прокопчен
войной

каминная решетка
книги губки
рожок для газа

бутылка виски
ложка

железная
труба
торчащая
из хлама

все черно

покрыто копотью
золою

и в черной
вышине
под рамой
не облако
не свет
не лик

бесформенный
и почерневший
камень

эскиз портрета

ты нем
но

кричат
твои потроха

черное пятно
рта

может быть
сексуальным

погнутые очки
вытаращенные
глаза

легкий занавес
отделяет тебя

от того чему
нет названия

темницы

прилавок для
ощипанных гусей

без крыльев
ног

для выражение ужаса
остались только
шеи

и щели ртов

завязаны глаза
как у Христа

он жив

последний шанс
последняя надежда

невидим вездесущ
и добр и всемогущ

он слышит все

и молятся ему
ощипанные птицы

под низким потолком
в оранжевых темницах

ultimi barbarorum

удалившись от дворца
на километр

преодолев два водоема

найдешь себя на склоне
перед аркой

из белой кости
доисторического
монстра

дворец получит обрамление

напоминающее
о былом владельце

заморском крае

о борьбе за власть

и двух телах
повешенных
вниз
головой

на площади

и вспоротых
как птицы

перемещенная Италия

известняки
покрылись мхом
налетом темным

не различить фигур
поддерживающих
мраморную чашу

атланты или путти

безносые русалки
поражены проказой

и лебедей полвыводка
лишились головы

иные шеи

неподходящий край
для сказочных
существ

открытых солнцу
испарениям пруда
снегам и ливням

бессильны
фонды

резчики
каменотесы

Италия обречена
на этой широте

отважный доктор
победивший оспу
не в силах
переплавить камень
в бронзу

здесь
как и повсюду климат
в разногласии с короной

ни принц
ни королева
не могут
выдать вид
на жительство
мечте

улей

пришла зима
уснул овальный улей

тишина

изящные искусства
дремлют

летающие блюдца
гасят звук

allegro
переходит в lento

ни криков
ни аплодисментов

партер безлюден

лишь в темноте
последней галереи

слепое эхо
бежит за кругом
круг

цветы и плод

свет выдает себя
квадратом на стене

а мрак и зеркалом
и прорубью камина

возможны
бунт и кротость

не одновременно

шесть семечек
и остановлена рука

бунт смолк

изящный веер
без движения

камин потух

азалии без аромата
гранат без вкуса

наряд венчальный
того же тона что и саван

цвет мякоти граната
багров
как и оттенок
губ

пыльца

базальт и бронза
спустя века

обломки
легкая пыльца

осыпавшаяся
с крыльев

былых культур
и лепестков

исчезнувших
цивилизаций

висит
парит между
времен
эпох

как искры
мишура

поблескивая
в сумраке
музейных залов

ворота

дорога привела
к распахнутым воротам

и если чиновник
на таможне даст добро

то дальше по холмам
к электростанции

чьи трубы не враждуют
с церковным шпилем

пряча дым

в ладу между собой
и с окружением

прелестный край

густая зелень
чистые тропинки

зажгутся скоро фонари

так поспешим
к чудесному пейзажу

к лугам и трубам

к церквушке
что едва видна

но путник медлит

остановлен мыслью
воспоминанием

он оборачивается
и смотрит вдаль

туда
где началась дорога

на мир вне полотна

вдоль берега

пустынный пляж
песчано-хвойный

взгляд
устремившийся
за горизонт
уткнется в полюс

в снега и лед
без каменной основы

увидит
сверкающие флаги
в вышине
без тросов и шестов

возьми себе девизом
слова пустынника

прожившего в молчании
много лет

ступай по мягкому песку
так будто идешь
по абразиву

иди все дальше
терпеливо

не оборачиваясь

пусть тянутся следы
пунктиром

отчетливым
как вязь гравера

вдоль залива

морскому
ветру для игры

приливу на поживу

импасто

светился мир
в искусной лессировке

не только в полдень
на заре

и ночью

сменилась техника
сама собой

густыми стали краски

цветы и лес
и стены

вода и небеса
все сделано из глины
мягкой темной

в которой
увязаешь
с головой

после полуночи

звезды отступают
перед черными птицами

поле пшеницы
перед улицей города

стрелка движется
к четверти
после полуночи

красный цвет
спорит с зеленым

фиолетовый с синим

стулья стены
бокалы графины
вибрируют

тонкий кий целится
в спящие клубни
картофеля

ночью все изменчиво
ненадежно

после полуночи
нет ничего прочного

окончание холодной войны

там где был сад утех
фривольных
музыка звучала

соединяя
юмор и серьезность

страх и смех
молитву
грех

за вычетом чего
останется

кровавая игра
ацтеков

снесенная тюрьма

столб
с памятной доской

и красное вино
в бокале

на столике
в шпионском пабе

за медленной
рекой

огни на мосту

мост из темноты
в темноту

гирляндами ламп
обвитый

и будда
лицом к реке

тихо сияющий

на своем одиноком
посту

ива

одетые обнаженные
повернувшиеся плечом
спиной

расчесывающие волосы
на полотнах

ни одна не сравнится
с плакучей ивой

в саду королевы Мэри

где сбегает
по широким ступеням
из грубого камня
ручей

и тысячи роз
распускаются
в цветниках

ни одна не сравнится
с ивой в саду
королевы Мэри

ее струящейся
кроной
темно-зеленой
густой

беззащитность

смешанные цвета
оттенки цветов
валеры

захлестывают
подавляют

я не волшебник

я не знаю
двенадцатеричного
или HSL-кода

IT-заклинания

чтобы остановить
этот вал

прошептав
название

III

ЗНАКИ

кипарисы и пинии

там где горизонталь
в ладу с вертикалью

пиния с кипарисом

мрак подземелий
с блеском фонтанов

хрупкость туфа
с прочностью травертина

взбирайся на холмы
броди по долинам

стой одиноким деревом
как дервиш кружись

та крона
растекается вширь
эта тянется ввысь

ты сам решаешь
где смерть где жизнь

убежище

последнее здание на земле
облицованное травертином

странная химия
лишний атом
вызывает концентрацию
вместо рассеяния

кусок псевдо-мрамора
ложного известняка

с аккуратно вырезанными
ячейками

соты для единственной
уцелевшей пчелы

убежище последнего человека

вид с холма

копье утеряно
но жест руки все тот же

две реки и два сезона
по краям

лазурный обелиск
скрывает бога

при нем трезубец
и тритоны

львы мирно
извергают воду

о призрачный Египет
Рамзес и Сети

вы только сон

очнуться
так далеко от дома

во времени
в пространстве

под крестом

знаки

октябрьской ночью
в ярком свете ламп

блестят
ионические колонны

отшлифованы так гладко
будто покрыты лаком

воздвигнуты в честь юбилея
мудрого решения

принятого шестнадцать
сотен лет назад

а годом ранее
ошибся узурпатор

и в бежевых столбах
отражена судьба

поверившего
ложным знакам

лгут предсказатели

на вражеских щитах
знак верный

и меч лишает тело
головы

враг издает эдикт

и мраморные леденцы
встают

в тени платанов

поверхность мрамора
блестит как лак рояля

но пьеса сыграна

ночь тишина

и надпись
с именем врага

свободно тянется
по архитраву

зима

хламида от холода
не защитит

нужен огонь
чтобы согреть ладонь

босые ноги

десятки метров до весны
так далеко

их не пройти

не прикоснуться к осени

и по диаметру не проползти
туда где зной
жара

зима на четверть круга

neqve illic mortvvs

тополя давно не шумят

и фонтан пересох
чаша пуста

узок вход в пантеон
за дверью места немного

тот кто «здесь не жив
и там не мертв»
притулился в стене

щербатый череп
кости без кожи

за железной решеткой

повторяющей
решетку костей

что-то совершается
уже совершилось

выше решетки
на медальонах

выпал птенец
из гнезда

бабочка
скоро оставит кокон

колонна

здесь сумерки

там солнце
рисующее синеву
сапфира

без музейных бликов

и столб из мрамора
который не заденет облака
лишь потому
что синева без пятен

и лица вырезаны четко

скорбь ужас
надменность торжество
представлены
вживую

улитка медленно
ползет к вершине

но мыслям пятницы
не удается взобраться
на обелиск

бессонница превратила
их в гусениц
мокриц

едва живых

смирись
и жди субботы

привратник

кентавром пробежав
по Корсо
не старым и не молодым
устроиться
привратником в палаццо

быть начеку
стоять на страже
путь преграждая amorino
и каждому кто помнит о любви

двое

в берете
с черной бородой
и в черном одеянии

решительный
как полководец

гуманный
кондотьер литературы

другой
почти анфас

без бороды

уложенный
в постель
загадочной
болезнью

оставить все же
он успел
после себя труды
и письма

стихи
на диалекте и латыни

и взгляд серьезный
и налитую жилу на виске

la ville entière

весь город
под ясным небом

не оплетут его побеги
и корни не раскрошат

хотя бы и трава кусты
перебрались наверх
и превратились в пинии

прирученная зелень

какая тишина
прохлада

задумчивый понтифик
бредет по залам

в поисках зеркал

и ни в одном
не видит отражения

полдень в Помпеях

спокойно
с тихим достоинством
не горделиво

идет она
придерживая
полотно
приподнимая
край
одежды

оперев
свободную ступню
на пальцы

так что подошва
льется
от пятки
вниз
почти отвесно

и юный археолог
очарованный
углом наклона

изгибом пальцев
плавным очертанием
свода

сосредоточенным
лицом

ей смотрит вслед

захваченный мечтою
страхом
подозрением

и звоном насекомых
в голове

она предпочитает розу

он асфодель и камень

и бьется жилка
на виске

стаккато

и птица подает
неясный знак

и ящерицы
заползают в щели

высокий полдень
плавит известняк

номер пятнадцатый

добрые императоры
носят бороды

императоры добрые
стынут в мраморных залах

четвертый из них
скорбно сдвинул брови

как будто плачет

бюст не похожий
на другие его портреты

где он изображен
спокойным и важным

как и подобает
римскому императору

пронумерован
двумя красными
цифрами

линии
складываются
в число
пятнадцать

слева
четырнадцатый
молодой
безбородый

глаза навыкате
пухлые губы

сын гладиатора
плод измены

справа шестнадцатый
неизвестный

голова доброго
крупнее соседних

брови сдвинуты
лоб нахмурен

но глаза широко раскрыты

в этом виде Антонин Пий
(сектор три
инвентарный номер
тысяча двести тридцать шесть)
может сойти за
ослепшего Гераклита

damnatio memoriae

ни цветка ни мошки
ни пылинки

ни шороха одежды
ни шороха подошв

все неподвижно
тихо

в зале Кьярамонти

лишь на гладком
камне шрамы

рубцы на шеях
тонкой нитью

не от гарроты
и не от меча

хирурги
мраморного века
используют
обычный молоток

закольник шпунт
и скарпель

этого хватает

так происходит
удаление головы

и памяти
что в ней живет

со всеми
ответвлениями
корнями

а поскольку тело
жить без головы
не может

на место скола
помещают
голову другую

и радуются
если края сошлись

пьют за успех

и поздравляют
всех кто принимал

хоть малое участие
в этом деле

нелюбопытный

случайнейший
из всех собравшихся
случайно

иной породы

но с чувством что
среди своих

отрадная
прохлада тишина

не любопытствуя
что видно из окна

довольствуясь
размерами ротонды

застывшим бегом
лошадей

неслышным
криком
псов

дрожанием
струн на мраморной
кифаре

лишняя деталь

куда бы ни вписал лицо
анфас ли в профиль

нарушишь связь
фигур

права есть
у пустот пробелов
интервалов

на лестнице
полу
в углу
нигде не места

расчислено все
в совершенстве

не покажи
ни носа
ни локтя

скрывайся
за чужой спиной
колонной

а лучше удались

УЯЗВИМОСТЬ

из тростника
и глины
твое тело

осыпалось плечо

о как ты уязвим

грустна
улыбка

изогнутые прутья
вместо крыльев

нос
поражен проказой

и глаз
как лунный кратер
без зрачка

дверь

пусть ночь близка
и перевернуты часы
давно

пусть сумрак наполняет
нефы

под пологом
из сицилийской яшмы
пройдешь легко

не глядя вверх

не задевая
чашечки колена

никто не остановит
не позовет

над головою
низкий потолок
не своды

там дальше
коридор ступени
площадь

огни река

и чувство
нерастраченной
свободы

родственные связи

исследуя город
квартал за кварталом

отыскивая для
знакомых построек
родственников

из далеких веков
далеких стран

чувствуя себя рыбой
в сетях истории

светлячком в паутине

радуясь
этому

принимая
за явь
обман

ясный день

исчезают стены

колонны не годятся
для построек

столбы
вот все что остается

фундамент под землей
переживет алтарь

нагрелись камни

и ящерицы
прячутся в тени

и пинии бредут на водопой

день выкупил
безоблачное небо
у погоды

игра в мяч

две безголовые
и легкий бег

по виду легкий
одна
несет другую

закрой глаза
которых
нет

и слушайся
наездницу

что приведет тебя туда
где бронзовая голова
спокойно смотрит
на коня

прекраснее которого
в природе не найти

та голова
уверенная
молодая

с припухшей
верхнею губой

нетронутая птицами
склевавшими ладонь

и львом
вонзившим зубы
в лошадь

праздник руин

начнется вечером

после заката
когда погаснет небо

когда лишь звезды
и ночные звери
сумеют различить
что скрыто в темноте

чуть позже
вспыхнут лампы
и белой ртутью
обольются
колонны храма
вдалеке
и арка близкая

так ярко что
горельефы
распадутся
на детали

богов животных
птиц людей

военачальников
и подчиненных

на победителей
и побежденных

и в этом свете
знаток отмерших
языков
особенно латыни
присмотревшись
сможет
без бинокля
слова хвалы
и благодарности
на аттике прочесть

битва

среди спокойных скал
деревьев
обломков стен
колонн
под акварелью облаков
под стрелами дождя
с которым сходны
копья
вокруг луны
с которой сходен круп
коня
несущего героя
навстречу
вздыбленному
вороному
и мечу

ЛИЦО

вечер
маленькой луны

пикник
под легким тентом

тарелки и кувшин
вино закуска

мужчины
женщины

широкий водопад
неслышный
словно мышь

гряда высоких гор
и крепость вдалеке

и одинокое лицо
среди стволов ореха

Орфей

стоит на миг
отнять смычок
от скрипки

и в тишину ворвется
гром вулкана

и шум воды

крик птиц
шипение дракона

рев льва
и ржание лошадей

усерден будь Орфей

путь к реке

не поддаваясь
мраморным соблазнам

искушению
камнем

ступай к воде
на берег

и наблюдай
течение реки

не наверху под аркой
куда ведут ступени
твое место

гораздо ниже

там
где почва принимает
отпечаток

где слышен плеск волны

равновесие

прекрасной нимфе
не укрыться

богиня юная
должна вернуться
в сумрак

и врачеватель-бог
не успокоит боль

все мнимо
ненадежно

цементный молот
висит на волоске

в двух дюймах
от испуганных эфиров

предостережение

это тело
цвета слоновой кости
топленого молока

со змеями в волосах

танцующее
на других телах

на крупной гальке

среди прибрежных
валунов

под шум прибоя
в плеске волн

тебе не снится

явственна беда
танцует смерть всегда

но вспомни

ты можешь выбрать
цвет заката

зеленый
рыжий

убей желание

иначе
желание убьет

и танец
ржаво-рыжих
волн
станцует
на твоей спине
и ягодицах

IV

ОБРУЧ

сезон зимы

пятно
похожее на зверя

и зверь
похожий на собаку

сезон зимы
и погнутых стволов

ветвей без листьев

прогулок одиноких
в парках
вдоль реки

чернильных пятен

сажи

серого картона

врасплох

среди пиний
и кипарисов

известняка
и травертина

застигнутый
врасплох

на родине
как на чужбине

брат мрамору
и бронзе

ничейный сын
фланер бездомный

орел в ночи
флейтист без губ

ослепший пейзажист
заучивающий график
горизонта

паломничество

от обелиска к обелиску
от царства к царству
от папы к папе

читая иероглифы
латынь

от львов к слону
и дальше к змеям
и коням

прокладывая путь
между собравшихся
в наушниках
зеленых майках

спешащих клерков
в деловых костюмах
застывших на ходу

рука откинута
а галстук вздернут
кверху

через десант из
белых клонов
в шлемах чьи визоры
скрывают лица

и дальше
к руинам храмов
Колизею
Китсу

пирамиде

круг завершив
египетским пейзажем
у городских
ворот

прохладным
вечером
июня

силуэт

развалины в лесах
строительных

огрызки храмов

есть что-то
времени не по зубам

как будто

здесь будет станция метро

толпа течет между щитами
пустыми
и с кинорекламой

крылатый колесничий
под облаками
на квадриге
черным силуэтом

все перемешано
снаружи и внутри

на карте снимках
и в уме туриста

ступени иронии

возводятся
одна над другой

выше и выше

в угловатой
просторности залов

в анестезирующем
сиянии
ртутного света

привычный паркет
заменяется
плитками из винила

арт-фланер
поднимается
в стратосферу

выше и выше

туда
где заканчивается
геокорона

где магнитное поле
не защищает альпиниста

от звездного ветра

выше и выше

едва справляясь
с головокружением

иронизируя
над пройденными
ступенями

открывающимися
видами

и самим собой

прислушайся

скелет в бинтах
со скаткой за плечами

бьет в барабан
сзывая мертвецов

кузнечик бронзовый
двуногий

чей мозг
раскроен колесом

таким же бронзовым

с андреевским
крестом

и он же
оседлавший дрель

без барабана
с пулеметной лентой

развернутой у ног

то звук войны
что проникает в слух

через глаза

о чувств союз

и мысль
и бронза

чародей

зелень шляпы
с черной лентой

и зелень фрака
так роскошна

она чудесней
радужных вселенных

толпы икринок
слепленных из пленки

искрящихся миров
старающихся
избегать друг друга

ранимых
тонких

для них
прикосновение
означает гибель

разрыв покрова

несчастье в котором
не поможет искусный
чародей

творец
красивых
пузырей

cour d’honneur

двор
предвестие прохлады

перистиль
двойная колоннада

но мрамор тепл
и бронза горяча

и хочется войти
в некрополь

четыре марша
сложенные в ромб

распятые
и снятые с креста

везущие дары
читающие книги

преследующие дичь

гостеприимно молчаливы

КОНЬ

конь бронзовый
присев
передние копыта
тянет вверх

в приветствии
или с угрозой
решает
направление
взгляда
угол
ракурс

повадки
металлических
животных
непонятны

миланскому бродяге

как выражения лиц
и жесты
спешащих под дождем

как изменения погоды

как перемены
дня и ночи

там снаружи

и ночь
внутри

башня молчания

так тяжела
неподвижна

что птицам
не хватает дыхания

флагам воздуха

дым
прилепился
к небу

тени
к плиткам на площади

закрытые ставни
к оконным проемам

рядом с башней
поезд встал
на железной
дороге

cerchio

лежащие
поставленные
вертикально

дворцы и башни
офисные здания

доходные дома
фургоны

в безлюдном городе

на площади
среди строений

чьи окна
закрыты жалюзи

без куполов

и тень от обруча
похожая
на тень ребенка

тень всадника
из-за угла

и тень отца
прозрачнее
стекла

через улицу

жить по соседству

так близко
что можно бросить
мяч в одну из арок
через открытое окно

и слышать ночью
шум крики вопли
стоны
рычание львов
и тигров
стук мечей

во сне
в воображении

а наяву
молчание камней

сад на закате

пчелы не жужжат
их просто нет

и Аполлона пальцы
неподвижны

струны не дрожат

лишь кот идет
уверенной походкой
вдоль стены

и нет цветов
кустарник и трава

но вечером
когда темнеет небо
и розовеют облака

а кипарисы пальмы
исчезают

оставив черный
силуэт

о варварстве
уже не вспоминаешь

и заворачиваешься
в тайну
словно в плед

и садик нищий
кажется
античным раем

упавшее гнездо

гнездо упало
с облаков

ушли все тени

полдень взгляда

в сухих фонтанах
ветер гонит пыль

пусть засуха
отвесный свет

растут слова

там в юности
была
не смелость
а бравада

V

ВОЛНЫ

саркофаг

граненым кристаллом
опалом
аквамарином

светится
саркофаг

охрусталенный
полностью
сверху донизу

поставленный на торец
в полный рост

административный
хайтек-погост

приманка для пилота
в контактных линзах

выбор

надкусив обсыпанное
мраморной крошкой
яблоко

стянув поврежденное
место
стальными скобами

остановишься
растерянно
между зданиями

горизонтальным
и вертикальным

предлагающими
на выбор
единственную
попытку или отказ

побег

или компенсацию
за потерю
чего-то важного

круговорот

по ходу стрелки
или против
оглядывая площадь
все смешаешь

но смешаны и без тебя
портал церковный
колонна льва
стеклянный
небоскреб
палаццо
и еще одно
и снова церковь

и где-то под землей
метро

есть круг другой
изображаемый водой
перегоняемой по трубам
и третий где вода
бежит сама собой
четвертый
пятый и шестой
седьмой
восьмой девятый

устав

от этой карусели
мелькания веков эпох
ждешь остановки
ищешь площадь Данте
и не находишь

веб-карта знает лишь
улицу с таким названием
виа Данте
длинную прямую

она ведет на запад
и приводит к замку
где спрятан
мрамор

белый
и
бессильный

sacra conversazione

пять замерших фигур
шестой ягненок

умильный взгляд

и материнская рука
поддерживающая
подбородок

анатомический рельеф

связки сухожилия
мускулы
вместо нормальной
детской пухлости

вместо теплой сиены
трупный гризайль

вишневый цвет зловещ

шаг
неестественно широкий

и голова в кудрях

доверчиво-веселым
взглядом смотрит

маленький гимнаст

на посетителей
музейных залов

прильнув
к барашку

отец укрылся
за портьерой
в темноте

он грустен
сомнение на лице

но пальмовая ветвь
сулит победу

падение

бронзовый всадник
с грохотом валится
словно дешевый лом

металл встречается
с кварцем

искра не высекается

конец приключению
путешествию
за синим цветком

после Праксителя

являя скрытое
ты славишь суть
поверхность ложь

снимая слой за слоем
обнажишь костяк

на полпути
застынешь Цицероном

повесив собственную
кожу через плечо
как плащ

представив мускулы
и сухожилия

на обозрение
служителям туристам

но утаив
страницы тома
опертого
на левое бедро

название мышце
даст Везалий
спустя две тысячи лет

vastus lateralis

сегодня
мы знаем больше
чем Пракситель

века летят

клуатр отшельника

тесный дворик
покрытый галькой
обсаженный деревцами

скамья
с высокой спинкой

из просторной кадки
поднимаются широкие
листья

длинные
острые на конце

в дальней стене
арка

за ней подвесной фонарь

чуть дальше
другая стена

и в ней другая арка
другой фонарь

еще стена
и арка черная
в глубине

что там
не разобрать

площадь

вот место
где встречаются
три мира три эпохи

там жертва мафии
с простреленным виском

здесь архитектор
взобравшийся на купол
чтобы отметить
завершение строительства
прыжком

и мученик без кожи
между ними

и тот
с венцом

а рядом посередине
всадник бронзовый
два льва и голуби
и праздные туристы

magnis et praestantibus

двор
куда нет входа
откуда нет выхода

небо синее
и пустое

изображения великих
застывшие по периметру

вход закрыт
но двор не заброшен

тонкие плети плюща
перекинулись через
край вазона

с галереи видны
лишь затылки
и плечи статуй

так настоящее смотрит
сверху на прошлое

туман

где-то возле Гамбурга
высятся горы

туман с моря часто
заволакивает их подножья

бывает он поднимается
так высоко
что оставляет на виду
лишь самые высокие вершины

эти редкие острова
может увидеть странник
если окажется на одном из них

он стоит на краю обрыва
выдвинув левую ногу
опираясь правой рукой на трость

взгляд его устремлен
поверх тумана
к синеющей на горизонте горе

в это время где-то возле Милана
по широкой равнине
бредет огромное стадо овец

равнина в голубой дымке

над горизонтом занимается
бледный рассвет

два пастыря затерялись
среди овец

внутренний двор

бюст полководца
обновленный
гладкий и белый
над пересохшим
фонтаном

сфера такого же цвета
на лужайке у ресторана

из фибергласса
трех с половиной метров
в диаметре

вскрытая
разбитая
по экватору

словно кто-то
принял ее
за утреннее
яйцо всмятку

изъян в скорлупе
обнажает механизм
мертвый
бездействующий
как и фонтан Александра

лужайки подстрижены
дорожки подметены

от столиков у стены
доносятся тихие голоса

все фонари исправны

вблизи от Рая

прямо напротив
покрытых пледом колен
и бессильно раскинутых ступней
лоток с мороженым

на другом берегу остроконечная
гора Св. Спасителя

чуть больше километра до Рая

цветы кипарисы пальмы
вода блестит
ясный июльский день

что еще пожелать
умирая

в роще

небо ясное
день ярок

у подножия горы
белеют дома Парадизо

в пальмовой роще
сумрачно и прохладно

отсюда удобно
смотреть на горы и озеро

стволы и листья
соединяются в красивую
рамку

здесь тихо
прохладно

здесь тебя никто
не найдет

даже главный
смотритель парка

Большая лошадь

круп лошади
cavallo
в виде расколотого овала

спина холка шея
раскроены разворочены

лошадь осела
на задние ноги

передние вытянуты
грудь поднята

голова повернута
будто в испуге

ось тела
продолженная
пройдя над озером
коснется селения Парадизо
и горы Сан-Сальваторе

вдоль узкой линии парка
по набережной
мимо здания банка
похожего
на шестеренки
выступающие из-под

полированной оболочки
сфер Помодоро
оглушая сиреной
несется машина скорой

последняя попытка

так гладок
что скользит бессильно

рельеф лица
едва намечен

рука висит отдельно

сквозит сквозь окна
бледный свет полудня

конец всех дел
трудов

желания любви
и жажды примирения

последний взгляд
последний скол

последняя попытка
оправдаться

шесть
долгих
дней

а дальше праздность

мир Пифагора

эта гладкость
полупрозрачность

зеркальность
прочнее мрамора

время не оставляет
царапины

неуязвимый
нетающий лед

существование
не течет

громоздится
кристаллами

пейзаж мохито

горы лежат грядами
как волны

отдаленные
синее туманнее

самая далекая
касается неба

белого у гряды
темнеющего к зениту

цвета заката

в мелком чистом пруду
косяком носятся
красные
рыбы

шумит
искусственный
водопад

выше
над его истоком
прячется
скрытый ветвями
грот

бюст в кардинальской
шапочке с четырьмя углами
повернут на запад

лицо исчеркано
черной краской

шрамы свастика и
сумма без результата
SOLE + ELISA

камень не ощущает
минерал не видит

но кто знает
может быть эти глаза
спящие днем
пробуждаются к вечеру

и следят не мигая
за остывающим солнцем

медленно угасающим
позади Апеннин Пьемонта
опускаясь ниже и ниже
пока наконец его круг
не скрывается полностью

оставляя гореть
над фортом Бегато
цвета заката

замок на холме

фуникулер
ползет к вершине

холмы вместо
ровной пустыни

развалины замка
открыты для посещения

зелень на подступах
аккуратно подстрижена

три невысокие пальмы
в тени бастионов

вряд ли под ними скрыт
чистый источник

но воду подземную
можно купить в бутылке

лучше джин виски
или двойной эспрессо

в расчете что проснется
воображение

и сделает тебя единственным
владельцем этого замка

облокотившись на балюстраду
ты будешь смотреть
на зубцы бастиона
верхушки пальм
купола крыши
гавань
причалы

и думать
все было не зря
я сумел связать концы и начала

бессвязное

собор полосатый
помесь зебры с жирафом

пасмурно

в чашку макьято
падают капли
дождя

якорь на берегу
чугунный кальмар

на площади странник
чьи пожитки
умещаются в сумке

вместо легких
у него пустота

сквозь которую
видны струи фонтана

концерт начинается
через полчаса

слышно
как разыгрываются
музыканты

бронзовый всадник

укрывшись в галерее
на главной площади
за чашкой кофе
вглядываться в бронзу
изображающую
всадника и лошадь
что не чета
другой усталой
но живой
той с кем ты встретишься
чуть позже
у своей берлоги
вмиг оседлаешь
и помчишься вдаль
к молчанию
во мрак
в темнейшую из ночей
куда и дерзкий
Филиберт не знал
дороги

промах

плоть уязвима
пока не стала бронзой

тогда ей нипочем
и плети и дожди

и постамент не нужен

сама себе
и щит и панцирь

спеша обнять
отлитую из бронзы
лошадь

он выбежал под дождь
раскинув руки

и промахнулся
обняв живую плоть

фонтан

там в нижнем мире
под раковиной-чашей
морские гады
с пятачком свиней

а выше скалы
кили
снова камни

и наконец
ступни
торс
шея
голова

решительность
в чертах лица

шар глобуса

рука протянутая
к горизонту

мгла над заливом

патронесса города
провожает туристов

мгла над заливом
и полуостровом

белый паром
встречается с яхтой
из белого дуба

в кресле на палубе
полуслепой
старик
в капитанской
фуражке
вырывает
страницы из книги
и бросает их
за борт

чаек не видно
и это странно

их заменяют
три фока
и бизань яхты

листы бумаги
летящие по ветру
плывущие по воде
тоже можно
принять за чаек

мгла спускается
ниже ниже
ниже

покрывая залив

название яхты
едва читается

Anonyme

ОКНО

зеленая стена
окно в стене
лазурь воды
охряные дома

причаленные
яхты корабли

в зеленой раме

окно
не дверь

хотя за ним обрыв
как в том рассказе

в стене из зелени
просвет
и райский вид

соблазн
для пилигрима

не уступай ему

путь долог
к маяку

по узкой
и крутой
тропе

лишь взгляд
и мимо

четырехголосие

верхний голос
кроны пальм
(у воды)

бас
три автомашины
(ближе)

альт
уличные фонари

тенор
деревца пониже

впечатление

три линии синего
от темного к светлому
вода берег небо

трехслойный коктейль
для глаз
но не для языка

три зеленые свечки
деревья
идут к воде
друг за другом

настроение создает
их линия
ритм

и дымка
затягивающая пейзаж

дом над обрывом

стена из грубых камней
подпирает склон

дорогу к дому освещает
шестигранный фонарь

возле него дерево
чьи ветви подняты
словно руки
на *Будем как солнце*

густой кустарник
похожий на мох

распахнута
решетка ворот

море горы закат
отражаются
в арочных окнах

куст

горы озеро берег
забелены инеем

так видит камера

ни кипарисов
ни пиний

лестница каменная
ведущая к террасе

у лестницы
послеполуденным
фейерверком
горит куст
с фиолетовыми
цветами

невидимый

в минималистском споре
хвои воды и неба
он четвертый невидимый
случайно собравший
этих трех видимых
на линии взгляда вместе

флагшток

маленький замок
крепостца
вот все что нужно

стены которые
не пробить
ядрам

камни которые
не изгрызть
морю

башня с флагштоком
для единственного
жильца

подземелье
за семью дверями
на семи замках каждая
для духов и привидений

ВОЛНЫ

волны у побережья
Сан-Теренцо
бегут меняя цвет
рождая пену
крошась о камень
самоубийцы
невозвращенцы

на причале

его улыбка
pandan
ясному дню

голова на уровне
piano terra
прибрежных зданий

место выбрано точно
верно

возле каждой щеки
дома тех кто ушел на дно

но это не повод
для грустных воспоминаний

солнце сквозь облака

сегодня облака скроют небо
спрячут верхушки гор

останутся камни на берегу
брызги волн

сверкающая
будто осыпанная солью
широкая полоса
поверх мелкой ряби

и воспоминание о слюде
из детской коллекции минералов

здесь и сейчас

на площадке между маршами
старой лестницы
в узком ущелье
от стены до стены
за столиком
под высоким тентом
разбей бивак
устрой наблюдательный пункт

пей кофе
коньяк

глядя попеременно
вверх вниз
на стены окна ступени
прохожих

иногда всматриваясь
в самого себя

чувствуя слитность
с улицей морем
горожанами
прошлым и будущим
целым миром

и полную отделенность от всего и вся

хмурый день

на террасе Маринеллы
одинокий посетитель

море справа
море слева

небо в тучах
буря близко

камни влажные блестят

капитаном
быть неплохо

одиноким
морским волком

видеть днем
и в снах под утро

пену волн
вместо ягнят

одинокая прогулка

белые пятна
на бурых камнях

включения алебастра
или чьи-то останки

высохшие монстры
лигурийских пучин

небо набухло
первые капли

чаек не видно

ты здесь
один

горизонт

дорожка променада
влажная терракота
идет зигзагом
на повороте ограда
сливается с горизонтом

ни корабля
ни паруса
ни лодки
ни рыболова

горизонт пуст

он только линия
разделяющая
оттенки серого
воды залива
и облачного покрова

за поворотом откроется
полуостров
новый оттенок серого
и темная линия
терракоты извивами
продлевающая маршрут

кроны пальм

темные
на фоне серого неба

как и соседние
кипарисы пинии

но сохранившие энергию
вспышки взрыва

в искривленных словно
следы фейерверка
линиях

башня на берегу

пруд болен оспой

инвалиды из мрамора
обмениваются взглядами
вздохами

те что без глаз
или без головы
усталыми жестами

смолосемянник
Pittosporum heterophyllum
покрывает им плечи
шею
а то и кудри
там где они сохранились

со стороны моря территорию парка
обрезают железнодорожные рельсы

туннель ведет
к сложенной из камня
башне на обрывистом берегу

очертаниями напоминающей
шахматную ладью

и морю
молочно-серому

Nymphaea alba

цвет светлого песка
и цвет граната
чередуются на арках
отделяющих террасу
от cortile
королевского палаццо

возле крайних арок
слева справа
кипарис и пальма

их вершины вровень
с балюстрадой
протянувшейся
над крыльями дворца
и над аркадой

кувшинка белая
Nymphaea alba
покрыла сплошь
овальный пруд
зелеными листами

шесть цветков раскрыли
чашечки лилового оттенка

мозаичный пастух
из белой гальки

ведет двух мулов
к мельнице

фигуры в темных пятнах
но с целыми носами
молчат у стен

день кажется
печально-безмятежным

rota

Траян и Юлий
каменные истуканы
учители и образцы
по обе стороны
от колеса фортуны

подняться
пусть на миг
в зенит

быть лучшим

семнадцать мраморов
увековечат имя
и воин бронзовый
на бронзовом коне

но где же сын
и внук

где памятник
живой

о милая Медея

blau

бастионы
и синие горы

здесь беззащитен
там в безопасности

дело не в старых
пушках
не в обрывистых
склонах

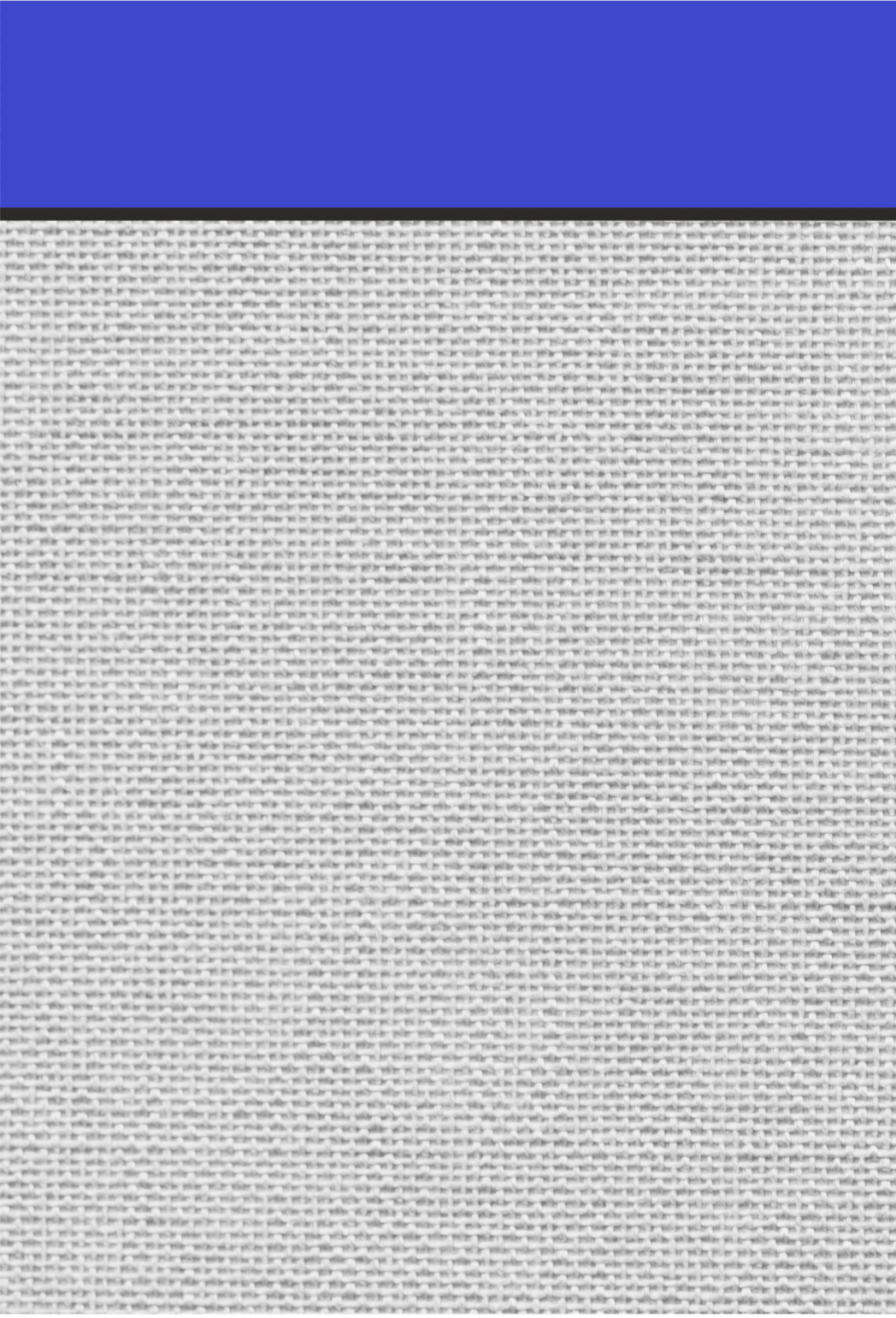
исключи из пейзажа
башни стены
вершины
бурые крыши
зеленые кроны
и сочти что осталось

Книги
Дениса Береста

ОТШЕЛЬНИК И ЕГО СОБЕСЕДНИКИ

НЕВОЗМОЖНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

ГОРОДА

КВАРТЕТЫ